

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Смоленской Марии Александровны

«Ненадежная наррация как проблема теории повествования (на материале русской литературы XIX века)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3 — Теория литературы

Об **актуальности** исследования, предпринятого в диссертационной работе М.А. Смоленской, свидетельствует то, что центральные для нее понятия «ненадежная наррация», «ненадежный нарратор» продолжают привлекать внимание и использоваться в практике филологического анализа. При этом, как показывает автор диссертации в ходе критической рефлексии над сложившейся традицией изучения данного явления, нуждаются в уточнении и сама дефиниция ненадежной наррации, и маркеры ее присутствия в текстах. Ненадежная наррация рассматривается в работе М.А. Смоленской «как ключевая категория, подвергающаяся сомнению традиционные представления о достоверности, правдивости повествования, о границах художественного вымысла» (с. 13 диссертации). Важно отметить, что, несмотря на знание и использование в собственном анализе лингвистических и историко-литературных аспектов темы, приоритетными для автора работы являются методология и проблематика теории литературы; работа, таким образом, полностью соответствует заявленной специальности.

Новизна предложенного подхода к проблеме определяется тем, что автор работы не ограничивается описанием механизмов ненадежности наррации только применительно к референтному событию (рассказываемой истории), но соотносит его с событием коммуникативным (рассказывания). Продуктивно для решения поставленных задач

обращение к обозначенной М.М. Бахтиным основной функции нарратора как «свидетеля и судии». Степень достоверности его видения, вербализации истории и ее оценки становится основой типологии ненадежных нарраторов, представленной в диссертации.

Структура работы логична и отражает последовательное обращение к основным аспектам заявленной темы: 1) изучение проблемы ненадежной наррации в контексте теории повествования и выявление ее маркеров в художественных текстах; 2) разработка типологии ненадежного нарратора относительно референтного и коммуникативного событий, с закономерным выходом на проблему фокализации; 3) исследование ненадежной наррации в художественной структуре конкретных произведений отечественной литературы XIX — начала XX вв. (на переходе от классической к неклассической парадигме художественности).

Одно из основных достижений работы, вносящее вклад не только в теорию, но и в практику нарративного анализа — выявление маркеров ненадежной наррации, позволяющих опознавать ее в тексте. М.А. Смоленская предлагает разграничивать такие маркеры по следующим аспектам, подтверждая свою гипотезу наблюдениями над материалом: вербализация наррации (личностные черты ненадежного нарратора как персонифицированного свидетеля); собственно наррация (пропуски нарративных эпизодов, отсутствие границы нарративного эпизода, моделирование и разыгрывание «возможных» сюжетов, метанарративность); нарративная история (принцип отбор событий, показывающий искаженную картину мира ненадежного нарратора); нарративная структура (полисубъектность и паратекстуальность).

Автор прекрасно владеет научным дискурсом, демонстрирует знание как классических работ по теории повествования, так и новейших нарратологических исследований. Диссертацию М.А. Смоленской выгодно отличает то, что ее реферативные части представлены в тесной связи с

собственной рефлексией над научной традицией и ее дополнением, уточнением на основе наблюдений над текстами. Обязательный для квалификационного исследования обзор «литературы вопроса» становится его органичной частью. Так, обращение к концепции ненадежной наррации У. Бута выводит к размышлениям над сложной нарративной структурой «Драмы на охоте» А.П. Чехова (с. 28); рассмотрение понятия ненадежной фокализации (предложенного А.В. Ждановой) — к примеру из рассказа Л.Н. Толстого «Корней Васильев»... Данный принцип выдерживается на протяжении всей работы, скрепляя ее как единое целое.

В ряде случаев, правда, это приводит к повторам тех же или сходных фрагментов в разных частях работы. Напр.: «В русской литературе примером такого текста выступают “Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.”, в которых дискурс ненарадовского помещика противоречит дискурсу Белкина как фиктивного автора в “Выстреле” (повтор на одной и той же с. 75); «В рассказе “Две различные истории улья с лубочной крышкой” (написан в 1900, опубликован в 1912) Е.В. Абрамовских указывает на ненадежную наррацию в версии трутня Прупру» (повтор, см. с. 76–77 в гл. 2 и с. 159 в гл. 3).

Следует также отметить нетривиальный выбор **материала** для анализа, объединяющий произведения, которые уже рассматривались в контексте ненадежности наррации («Повести Белкина», «Герой нашего времени», «Драма на охоте»...), с не самыми известными и, возможно, не столь очевидными (незаконченный отрывок А.С. Пушкина «Участь моя решена. Я женюсь...», рассказы Л.Н. Толстого и др.). Очень тонко анализируется в разделе о ненадежной наррации в неклассической художественности новеллистика В.Я. Брюсова. В целом, однако, аргументация такого подбора текстов их репрезентативностью для данной темы и принадлежностью к разным жанрам (с. 14) оставляет вопрос о связи ненадежной наррации с поэтикой жанра. Акцент в работе делается

все же на средней и малой эпической прозе, со справедливым выводом о том, что «жанровое “право” на ненадежную наррацию имеет новелла, где финальный поворот сюжета — пуант — способен изменить впечатление от рассказанной истории» (с. 9). Влияет ли в других случаях жанр на типологию и особенности репрезентации ненадежной наррации? Отличается ли она, к примеру, в романе и повести?

Этот и другие возникающие **вопросы / комментарии**, а также дополнения к библиографии провоцируются в большей степени интересом к представленной в диссертации концепции и стремлением продолжить ее обсуждение в научной дискуссии.

Актуально ли в контексте темы диссертации и особого внимания к эгонарративам разграничение Я- и Он-повествователя, а также типология нарративных ситуаций у Ф. Штанцеля? См.: Stanzel F.K. *Theorie des Erzählens*. Göttingen, 1979. Вообще — всегда ли «написание собственного текста ведет к осознанию кризиса самоидентичности нарратора» (с. 141)?

Связи таких аспектов, как точка зрения и (не)достоверность наррации в романе-расследовании, специально посвящена статья: Кириленко Н.Н. Нарративная структура и проблема точки зрения в романе У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» // *Поэтика и прагматика нарративных практик*. Екатеринбург, 2019. С. 71–85. Ссылка на нее была бы целесообразна, потому что на с. 62 диссертации прямо упомянут этот роман Фолкнера.

Упоминание о метапрозе и использовании в ней ненадежной наррации (с. 29) закономерно выводит к общему вопросу об особой связи этих явлений. См. также концепцию В.Б. Зусевой-Озкан: метароман как жанр с принципиально подвижной и проницаемой границей между мирами героев и автора, причем тип границ между ними становится стержнем для предложенной исследовательницей типологии метаромана (Зусева-Озкан В.Б. *Историческая поэтика метаромана*. М., 2014. С. 10, 33–41).

Попутно отмечу, что форма сна, неоднократно упоминаемая в диссертации, также благодатная почва для ненадежной наррации, хотя бы потому что при Я-повествовании изложение сна априори субъективно и ограничено кругозором нарратора-сновидца. Есть здесь и выход на метауровень, связанный с неизбежным разграничением того, кто действует во сне, становится героем его «истории» — и тем, кто рефлексировал над сном, его содержанием и соотношением с реальностью, кто повествует о нем (даже если номинально это один и тот же герой).

Вопрос о ненадежной «наивной» фокализации (с. 35) может быть продолжен в сторону «детского» нарратива. Не задает ли он априори по крайней мере тенденцию к «ненадежной» фокализации и наррации? Разброс широк, на более поздних этапах здесь и «Судьба барабанщика» А. Гайдара (где двойная мотивировка «ненадежности» — возраст нарратора и его неспособность правильно интерпретировать улики в ходе расследования), и «Дом без хозяина» Г. Бёлля (события Второй мировой войны в Германии с точки зрения ребенка). Может быть, стоит также разделить случаи, когда в итоге нарратор все же преодолевает эту «ненадежность» (пройдя инициацию, напр.) и когда изначально заданный принцип не меняется.

Важный тезис об особой роли энигматической интриги, характерной для текстов с ненадежной наррацией, заставляет задуматься о разграничении двух разных нарративных стратегий: основанной на принципиально непостижимой для нарратора тайне — и на имеющей предзаданный ответ загадке (в т.ч. криминальной). См. об этом: Федунина О.В. Тайна и загадка в нарративной структуре: жанровый аспект // Диалог согласия: сб. науч. ст. к 70-летию В.И. Тютю. М., 2015. С. 127–135. Однако будут ли в этом случае типологически различаться ненадежная наррация и ее субъект? Любопытно также, что в криминальной литературе ненадежным нарратором может быть не только

преступник, но и жертва, в чей кругозор не входит вся картина преступления вплоть до самоизобличения преступника. Крайний пример — когда на это накладываются ограниченные физические возможности, мешающие адекватному восприятию нарратора (тетраплегия в сочетании со слепотой и немотой в «Лесной смерти» Б. Обэр).

Упоминание «Лолиты» В. Набокова в контексте концепции У. Риггана (на с. 61, как пример архетипа клоуна, организующего тип ненадежного нарратора) провоцирует вопрос о том, можно ли свести этот случай только к клоунаде и фарсу. Представляется, что здесь все же более сложный случай, где восприятие себя и мира через душевную болезнь и измененные состояния сознания входит в кругозор нарратора. Одно из ключевых понятий в этом контексте — кризис нарративной (само)идентичности. Это понятие, вслед за В.И. Тюпой, разрабатывает А.Е. Агратин; см., в частности, их статьи, опубл. в сб. «Белые чтения: сб. науч. ст. к 85-летию Галины Андреевны Белой» (М., 2016): Агратин А.Е. «Встроенные нарративы» и повествовательная идентичность. С. 278–284; Тюпа В.И. Нарративная идентичность: характер и самость. С. 285–296. С выходом на поэтику рассказа как жанра см. также: Тюпа В.И. Кризис как инвариантный конструктивный фактор жанра рассказа // Кризисные ситуации и жанровые стратегии. М., 2017. С. 56–71.

Вопрос еще в том, как влияет на репрезентацию в тексте такого кризиса переключение с внутренней на внешнюю точку зрения. Небольшая неточность в работе: на с. 121 в анализе «Записок сумасшедшего» Гоголя говорится, что «прогрессирующее сумасшествие нарратора связано с отсутствием включения внешней точки зрения из мира реального на его поступки. Он придумывает реакцию на свои поступки». Ср с утверждением на с. 119: «Фиксация внешних точек зрения в нарративе ведет к утрате идентичности Поприщина». В чем же все-таки функция внешних точек зрения на нарратора в этом произведении?

Любопытная параллель: Иван Бездомный в «Мастере и Маргарите» Булгакова, где персонаж как нарратор (далеко не для всех надежный) показан чаще извне. Здесь же принципиальный вопрос о безумии нарратора и его оценке с точки внутренней — и для других (ср., к примеру, с «Палатой № 6» Чехова). Своего рода рефлексией над соотношением внешней и внутренней точек зрения выступает оппозиция «наружного осмотра» и «вскрытия» в передаче протокола Камышевым («Драма на охоте»).

В рамках нарративного анализа романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди», проясняющего смысл умолчаний в тексте, делается вывод о том, что «Варенька ненадежна как свидетель и участник травматических событий» (с. 69). Как соотносятся в целом ненадежная наррация и нарратив травмы в качестве особого типа дискурса? Возможно, такой тип нарратора изначально «предрасположен» к ненадежности? См., напр., работы Л.Е. Муравьевой.

Интереснейшее явление, на которое обращает внимание М.А. Смоленская — продуцирование ненадежным нарратором вымышленных и / или ложных сюжетов. Любопытно было бы сравнить такое построение нарратива с представленными в тексте альтернативными вариантами развития судьбы героя, причем ни один из них не обозначен как истинный: новелла «Дороги судьбы» О. Генри.

Рассмотренный в работе ряд ненадежных нарраторов с ментальными нарушениями у Гоголя, Л. Толстого, Фолкнера, Саши Соколова может быть дополнен еще одним интересным примером: романом «Толстая тетрадь» А. Кристоф, где недостоверно даже изначально манифестированное количество нарраторов. Еще один мостик от русской литературы к современной зарубежной — проанализированная в работе в связи с рассказом Л.Н. Андреева «Что видела галка» «оптика птицы». Ср. с обыгрыванием подобной оптики и вообще с соотношением наррации и

разных фокализаторов в романе М. Аксельссон «Апрельская ведьма» (и еще более сложный случай — Ворона, двойник нарратора в романе Х. Мураками «Кафка на пляже»).

В фокусе исследования ненадежной наррации оказывается такой жанр, как эпистолярный роман, провоцирующий, очевидно, эту форму нарратива своей полисубъектностью. Здесь и «Бедные люди» Достоевского, и куда более ранний пушкинский «Роман в письмах». В связи с этим последним, подробно разобранным на с. 93–96 диссертации, хотелось бы добавить, что подобная структура уже была представлена во французской литературе. Речь о романе «Опасные связи» Шодерло де Лакло, опубл. в 1782. В этом эпистолярном романе ненадежность нарраторов связана как с сознательным умыслом скрыть свои намерения и факты от адресатов — объектов манипулятивной игры (со стороны маркизы де Мертей и Вальмона), так и с их ограниченным кругозором (Сесиль, шевалье Дансени). Отсюда встает вопрос о традиции, на которую мог ориентироваться Пушкин, в том числе в европейских литературах, тем более что о связи конкретно этих двух произведений есть специальная работа: Вольперт Л.И. Пушкин и Шодерло де Лакло. (На пути к «Роману в письмах») // Пушкинский сборник, Псков, 1972. С. 84–114. О жанровых и нарративных особенностях эпистолярного романа см., напр.: Рогинская О.О. Эпистолярный роман, поэтика жанра и его трансформация в русской литературе: дис. ... к.ф.н.: 10.01.08. М., 2002.

Упомянутое в анализе «Героя нашего времени», насыщенного очень тонкими и точными наблюдениями над особенностями нарративной структуры, метафорическое обозначение смерти героя как путешествия в другую, экзотическую страну (с. 109) отзовется потом в анонсированном отъезде Свидригайлова «в Америку» («Преступление и наказание» Достоевского).

Весь представленный выше разброс возможных межтекстовых связей, прямых или типологических, свидетельствует о том, насколько фундаментальна и продуктивна на самом деле поставленная в диссертации М.А. Смоленской проблема ненадежной наррации, несмотря на всю ее кажущуюся «маргинальность» в литературном поле. В связи с тем, что в работе задается диахронический вектор исследования с опорой на методологические разработки исторической нарратологии (В.И. Тюпа), хотелось бы более точной формулировки: в чем же состоит принципиальное различие ненадежной наррации в текстах, относящихся к классической и неклассической парадигмам художественности?

Вопрос о генезисе этого явления принципиально оставлен автором за рамками работы. Однако следовало бы все же наметить исходную точку отсчета и основные этапы, поскольку без этого размывается понимание исторических изменений (в том числе новаторских). Так, возможные отдаленные по времени предпосылки отмеченного М.А. Смоленской усложнения роли читателя в литературе модернизма видятся, напр., в готической литературе, где принципиально акцентирована роль читателя и его оценка реальности таинственных событий. Чем не мостик к той же новеллистической прозе Брюсова, рассмотренной в диссертации? Если же говорить о полисубъектной системе нарраторов и игре с их надежностью, особенно усложнена она в поздней готике и рефлексии над этой традицией («Мельмот Скиталец» Ч. Метьюрина, «Рукопись, найденная в Сарагосе» Я. Потоцкого). Словом, эта линия также открывает перспективы для дальнейшей разработки темы.

Общая постановка проблемы ненадежной наррации, выделение ее маркеров в текстах и построение типологии, филигранный нарративный анализ произведений, представленный в работе, и вытекающие из него четкие выводы — все это позволяет говорить о диссертационном исследовании М.А. Смоленской как о выполненном на очень высоком

профессиональном уровне, с несомненным теоретическим и практическим потенциалом. Его результаты могут быть использованы в дальнейшей разработке темы и ее апробации в вузовских учебных курсах по теории и истории литературы, по нарратологии. Содержание и итоги работы адекватно отражены в автореферате и 19 публикациях, 3 из которых опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Представленная диссертация отвечает пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, в редакции от 18.03.2023), а ее автор Смоленская Мария Александровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3 — Теория литературы.

11.05.2026

Официальный оппонент:

Кандидат филологических наук (специальность 10.01.08 — Теория литературы. Текстология), старший научный сотрудник

ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), отдел «Литературное наследство»

Федунина Ольга Владимировна

Адрес организации: 121069, г. Москва, ул. Поварская 25А, стр. 1, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН). Тел.: +7 (495) 690-50-30. E-mail: info@imli.ru

Телефон и электронный адрес оппонента: +7 (495) 690-50-30, fille.off@gmail.com

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

 УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИМЛИ РАН
 Семенов В.В.

